

Материалы конференции «Спасская Губа: взгляд через века»

А. Ю. Жуков
(г. Петрозаводск)

И. И. Муллонен
(г. Петрозаводск)

ДЕРЕВНИ МУНОЗЕРСКОЙ ВОЛОСТИ: К ИСТОРИИ НАЗВАНИЙ

Аннотация: В статье прослежено становление системы названий деревень Мунозерской волости на фоне поэтапного формирования самой поселенческой структуры на протяжении четырех столетий. Материалом для анализа послужили сведения исторических документов (писцовые книги, ревизские сказки, списки населенных мест) XVI — начала XX века, а также результаты полевых сборов. Доказывается, что система ойконимов включает в себя элементы, восходящие к разным хронологическим периодам. Особое внимание уделяется бытованию ойконимов на двух уровнях: официальном (письменном) и неофициальном (устном). Из них первый отличался большей консервативностью, а второй активнее реагировал на изменение обстоятельств, связанных с жизнью поселения, сменой владельца двора и др. Выявлено, что широкое внедрение и закрепление в официальной практике народных названий произошло в середине XIX века. Большинство названий деревень образовано от антропонимов — имен, фамилий, прозвищ их основателей. Использовались карельские народные варианты православных имен, а также т. н. некалендарные имена, патронимы, родовые прозвища, передающиеся из поколения в поколение устно. Так что названия деревень — это целый кладёз народной антропонимии.

Ключевые слова: топонимия, ойконимы, карельский язык, карелы-людики, писцовые книги, ревизские сказки, крестьянское освоение, Карелия.

Villages of the Munozero Volost: The History of Their Names

Abstract: The article traces the formation of the system of names of villages in the Munozero Volost (Karelia) alongside the gradual formation of the settlement structure over four centuries. The material for analysis was the information retrieved from historical documents (cadastres, census lists, lists of populated areas) of the 16th — early 20th century, as well as the results of field research. The paper proves that the system of oikonyms includes elements dating back to different chronological periods. Particular attention is paid to the existence of oikonyms on two levels: official (written) and unofficial (oral). Of these, the former was more conservative, and the latter was more responsive to changes in circumstances related to the life of the settlement, change of ownership of the household, etc. It was revealed that the widespread adoption and consolidation of popular names in the official practices occurred in the mid-19th century. Most of the village names were derived from anthroponyms — first names, surnames or nicknames of their founders. Karelian folk variants of Orthodox names were used, as well as so-called “non-calendar names”, patronymics and generic family nicknames, transmitted orally from generation to generation. Thus, the names of villages are an invaluable source of folk anthroponymy.

Keywords: toponymy, oikonyms, Karelian language, Ludian Karelians, cadastres, census list, peasant development, Karelia.

Северное Прионежье относится к районам наиболее раннего оседлого крестьянского освоения территории Средней Карелии. Хотя документы не дают возможности отследить первый, самый ранний этап ее заселения, археологи уверенно датируют данный процесс рубежом XIII—XIV веков [Спиридонов, 2014]. А через 150 лет, в конце XV века, эти земли первый раз описывали московские писцы, и они нашли здесь уже сложившуюся сеть поселений, объединенных в гнезда большей или меньшей величины. Дальнейшее же развитие поселенческой сети и, соответственно, наименований поселений, использовавшихся на официальном уровне, отражено документально и в целом достаточно последовательно.

✓ Самый ранний источник по истории сельской сети, сложившейся в людиковском Прионежье — это перепись Заонежских погостов 1563 года, причем те части ее текста, которые описывают поселения, уже стоявшие во время предыдущей переписи 1496 года. Более того, ранние переписи Шуйского погоста зафиксировали целый

ряд архаичных черт в природопользовании, характерных не для развитого средневекового общества, а для общества, не изжившего еще древний родоплеменной уклад жизни. Во-первых, отмечается, что все рыболовные промыслы в озерах и реках погоста принадлежали «всем шуяном без омены» (т. е. без исключения), а во-вторых, писцы не смогли определить размеры погоста «вдоль и поперек» и его границы с соседними погостами, потому что шуяне и их соседи «пашут лешую пашню» (т. е. возделывают подсеку) и сено косят «хто где поспел». Иными словами, вместо четко определенных границ имела широкая приграничная полоса, доступная для хозяйственного использования как шуянами, так и их соседями из других погостов. Такие архаичные черты в характере природопользования могли утвердиться только в случае, если изначально крестьянское освоение территории будущего Шуйского погоста было родоплеменным делом всей летописной веси («всех без омены»), а не крестьян, объединенных в средневековые соседские общины [Жуков, 2009]. Кроме того, в Шуйском погосте переписи отметили землевладения нескольких родов своеземцев — потомков вепсской родоплеменной знати.

В данных условиях и развивалась система поселений Мунозерской волости — одной из северных окраин большого Шуйского погоста. При этом ее деревни были привязаны, с одной стороны, к воде — устьям рек, впадающих в заливы Онежского озера, или крупным озерам Прионежья (например, Мунозеру или Кончезеру), с другой — к выходам высокоуглеродистых шунгитовых пород, которые благоприятствуют урожайности полей. Показательно, что северо-западная граница людиковского языкового ареала однозначно накладывается на границу распространения шунгита, свидетельствуя о сельскохозяйственных приоритетах в освоении территории. В этом контексте не случаен большой интерес к ней, как реальному источнику доходов, новгородских землевладельцев и позднее московской казны. Так, в совсем невеликом по размерам районе побережья озер Мунозеро, Пертозеро (Викшезеро) и Кончезеро стояли деревни новгородских бояр Кузмы Вангина и Лаврентия Панфильева, местных своеземцев Селивановых, Копанкиных и Косиковых,

а также одного из крупнейших в Новгороде монастырей — Спасо-Хутынского [ПКОП 1563: 117-123].

В статье прослежено становление системы названий деревень Мунозерской волости (рис. 1) на фоне поэтапного формирования самой поселенческой структуры на протяжении четырех столетий, начиная с упоминания в писцовой книге 1563 года, с учетом обширных отсылок к переписи 1496 года. Привлечена современная топонимия, которая в ряде случаев сохраняет память о старых поселениях и их географических привязках.

1. Мунозерская и Кончезерская волости (1905 г.).

К XV веку, когда появляются первые массовые документы, уже сложилась устойчивая т. н. гнездовая система поселений, при которой вокруг одного центра объединяется от нескольких до нескольких десятков поселений. Названия таких гнезд исключительно устойчивы. В то же время именования деревень, входивших в эти гнезда или кусты, оказываются — как показали исторические материалы — очень подвижны.

На Мунозере все ранние поселения привязаны к озерным мысам и заливам. В документах XVI века упоминаются практически все традиционные деревни Мунозерской округи, известные и в XX веке. Правда, за столетия их названия претерпели изменения, и для идентификации деревень приходится выстраивать длинные цепочки последовательно изменявшихся названий, приводимых источниками разного времени — писцовыми и переписными книгами (XV—XVIII вв.), ревизскими сказками (XVIII—XIX вв.), списками населенных мест и переписями (XIX—XX вв.). Такая процедура позволяет понять, что на месте современной Спасской Губы было в XVI веке несколько деревень, одна из которых — *Федковская Дублина* [ПКОП, 1563, с. 121] — поглотила позднее другие и стала именоваться *Федкова Дублина в губе* [ПК 1646/47: 118—118 об.], а затем *Губская* [ПК 1726: 216 об.—249 об.]. В свою очередь, Пестряковская изначально называлась просто *на Мунозере* [ПКОП, 1563, с. 118], которая благодаря именованию жителей идентифицируется с более поздней формулировкой *На Мунозере против погоста* [ПК 1582: 135], а затем *На Муно ж озере против погоста, а в волости зовут Перхин наволоок* [ПК 1678: 417 об.]. Ряд продолжают *На Мунозери Пятриковская* [ПК, 1707, л. 27 об.], *Петряковская* [РС 1749: 422 об.—423 об.], и, наконец, появляется *Пестриковская*, *Пестряковская* [РС 1782: 90], дожившая до наших дней, хотя, видимо, являет собой пример описки, сделанной писцом и воспроизведенной затем неоднократно в последующих списках. Народное карельское название поселения *Treška* восходит к рус. Терешка (← Терентий).

«Генеалогия» мунозерских деревень с опорой на большой ряд исторических источников содержит сведения об опустевших и появившихся на их месте новых деревнях, с новыми названиями.

Дер. *На Мун-озери Тимошкинская* [ПКОП, 1563: 121] запустевает вследствие шведского разорения («хоромы пожгли и крестьян побили немцы») [ПК, 1582: 143], но возрождается с именем *на Мунозере Тимошкино, Тюряки тож* [ПК, 1617, 72], которое в виде *Тереки* — кар. *Törökkä* доживает до наших дней. В основе патроним, родовое имя, источник которого не зафиксирован в людиковской языковой среде, но известен в финских говорах, в том числе в историческом Карельском Приладожье: *törikkä, törykkä, törökki* ‘недоросль; простофиля; маленький мальчик’ [SKES 5: 1507-1508]. Деревня *Тéрвоевская* — кар. *Tervoin kylä* (-*kylä* ‘деревня’) впервые отмечается как новопоселенная *В урочище край Мунозера Тервовская* [РС 1749: 428], но привлечение более ранних документов доказывает, что она появилась на месте поселения XVI века *Поч. на край Муно-озера* [ПКОП 1563: 118]. В основе некалендарное карельское имя *Tervoi* (← *terv, terva* ‘смола’), которое принято связывать с темным цветом волос и бороды его носителя или его занятием смолокурением [напр., Nissilä 1975: 152]. На отыменное происхождение указывает суффикс -*oi* (*Tervoi*), свойственный карельским личным именам. К середине XX века наряду с Тервоевской деревня получает в официальных документах название *Улькоева*, соответствующее народному карельскому *Ul'koine*. Оно основывается на фамилии жителей этого малодворного поселения — Улькоевы — кар. *Ul'koized*, восходящей к антропониму кар. *Ul'koï* — рус. Ульян.

В дальнейшем, в XVIII веке, происходило более плотное освоение озерного побережья: *Готнаволоок* (1707), *Новоселовская* (1707), *Новопоселенная Урочище между Ригой и Долгой Ламбой* (1782), а на следующем этапе — появление удаленных от него водораздельных поселений (*Кеняки, Моторино, Гурсельга*). Наконец, начало XX века знаменуется появлением хуторов и выселков: *Васюки* — *Vas'ukki*, *Калинпууста* — *Kalinpuust* (*puust* ‘пустошь’), *Никонова* — *Niikoine* [СНМ 1926: 57-58].

Господствующий способ называния — это обращение к антропониму, т. е. именованию основателя или жителя деревни. Исследования показывают, что наряду с календарными (православными), т. е. отраженными в святцах, личными именами вплоть до XVIII

века широко бытовали некалендарные имена. При этом православные имена образовывали целые гроздья народных вариантов, которые закреплялись в названиях деревень значительно чаще, чем официальные, отмеченные в святцах. Что же касается фамилий, то официальные фамилии в крестьянской среде начинают использоваться только со второй половины XIX века, а в массовом порядке еще позднее, на рубеже XIX—XX веков и в начале XX века. Но в широком бытовании были т. н. неофициальные (иногда используется термин «уличные») фамилии — патронимы, родовые прозвища, передающиеся из поколения в поколение устно. Они возникали нередко на основе некалендарных имен, т. е. таких, которые не отражены в святцах, и прозвищ. Так что названия деревень — это целый кладёзь народной антропонимии.

Готнаволок (по-карельски *Vahromie* или *Vahromei*) содержит в основе карельское имя *Huotī* из рус. Хотей, Фотий. Оно было усвоено в соответствии с закономерностями русской адаптации в виде *Гот-*. В карел. *Varhomei*, *Vahromei* воспроизводится русская разговорная форма календарного имени Варфоломей — Вахромей [Суперанская 1998: 142]. В топонимах сохраняется память о прежних жителях поселения. В *Декнаволок* — кар. *Dekunniemi*, прежде именовавшемся *Лаврентьевской* [ПКОП 1563, с. 118], представлено карельское личное имя *Dekku*, *Jekku* из рус. Ефим, а в *Гурсельга* (*Huršelg*) — кар. *Huroi* из рус. Гурий. Топоним *Кажнаволок* (*Kažniemi*) указывает на жителя или род *Kaži* ← люд. *kaži* ‘кот, кошка’. Антропоним был известен и в других местах, например, в соседней Кончезерской волости, сохранившись в названии колодца *Kažinkaivo*, букв. ‘колодец семьи / рода Кажы’ в дер. Утуки.

Другой способ именования, отражающий особенности топографии, рельефа местности, значительно менее распространен. Один из примеров — название поздней по времени появления деревни *Кеняки* — *Ken'akko*, *Ken'akk*. Она отмечена в середине XVIII века [РС 1749: 426 об.], когда происходит внутренняя миграция из прибрежных поселений на водоразделы. Название восходит к людиковскому ландшафтному термину *kenäkk*, *ken'akko* ‘высокий песчаный бугор’, в собственно карельских говорах Приладжья, а также

в ливвиковском наречии термин выступает в виде *kenkku*, *kennäs*, *kennikka* ‘возвышенность, хребет, напр., между водными объектами’ [Кузьмин, 2020: 65]. В окрестностях деревни известна гора *Кеняки* с наибольшими в данной местности высотными отметками.

Отмеченная выше неустойчивость ойконимической системы напрямую увязывается с бытованием ее на двух уровнях: официальном, т. е. отраженном в государственных реестрах, письменном, и неофициальном, бытовавшем в народной крестьянской среде, в устной практике. Применительно к людииковской ойконимии эти уровни разнесены еще и в языковом отношении: официальные русские топонимы и народные карельские. В этом раскладе просматриваются две позиции. В первом случае карельский и русский эквиваленты идентичны в том отношении, что русский топоним — это адаптированный в русское употребление карельский оригинал: *Гомсельга* — кар. *Homselg*, *Тёреки* — кар. *Törökkä*, *Улькиева* — кар. *Ul'koine*, *Кеняки* — кар. *Ken'akko*, *Ken'akk*. В принципе способы адаптации могут разниться, однако результат в глобальном отношении един. Во втором же случае два уровня пользуются разными названиями, никак друг с другом не соотносящимися: *Новоселовская* — кар. *Vošši*, *Готनावолок* — кар. *Vahromie*, *Кажनावолок* — кар. *Lumbine*. Такая разноименность характерна и для русской ойконимии на смежной территории. За ней стоит процесс смены названия на протяжении жизни населенного пункта.

Будучи единожды записанным, название затем кочует из реестра в реестр, воспроизводя в том числе описки и ошибки, закравшиеся в предшествующие записи. Для официального уровня именования эта преемственность была существенна с позиций владельческих отношений и налогообложения. В свою очередь, бытовавшие в народной среде ойконимы живо реагировали на изменение обстоятельств, связанных с жизнью поселения, сменой владельца двора и т. д. Деревня *Виданламба* имеет второе название *Мартоевская* — кар. *Martoine* ~ *Martuoine*. Ревизские сказки проясняют, как и почему оно появилось: в нее в 1784 году перешел с семейством из деревни Губской С. Мартынов [РС 1795: 25об.], карельское родовое имя которого *Martoine* ← *Martoi* ‘Мартын’

и воспроизводится в ойкониме. К тому же, в устной практике не выживали громоздкие многочленные структуры, записанные в документах, типа отмеченной в 1782 году *Новопоселенная Урочище между Ригой и Долгой Ламбой* и воспроизводившейся затем неоднократно вплоть до XX века в виде *Между долгой и рагой ламбами*, *У мельницы между ламбами*, ср. в устной практике кар. *Melličši* ‘Мельница’. В результате со временем мог образовываться разрыв между записанным и устным названием. Он был известен писцам, которые использовали формулы «тож», «словет», «а в волости зовут» для приведения официального имени в соответствие с народным.

Следующие два примера — редкие, но тем более ценные — заимствованы из писцовой книги 1678 года. Первый *На Муно ж озере на Пулनावолоке, а в волости зовут Пуйкнаволок* [ПК 1678: 420-421], исправляет ошибку, закрывшуюся ранее, видимо, при переписывании. Деревня именуется сейчас Пуйгубой, но карельское именование *Puikniemi* до сих пор сохраняет привязку к мысу или наволоку (карел. *niemi* ‘мыс’). В русском топониме произошло наложение двух элементов сложного топонима, приведшее к утрате последнего согласного в первом элементе; карельский вариант сохранил первоначальный вид топонима, в котором *-niemi* ‘мыс’ выступает в связке с топоосновой *Puik-*, из карел. *puikko*, *puikk* ‘щепка; лучина; заноза’. Мотивом номинации послужила, видимо, узкая длинная оконечность мыса, коса, вдающаяся, как заноза, глубоко в озеро. Подобная метафора, хотя и нечасто, встречается в прибалтийско-финской топонимии, напр., около десятка узких и длинных мысов с названием *Puikkoniemi* в Финляндии [nimiarkisto.fi].

Не менее замечательный пример демонстрирует история названия деревни *Курий Ручей*, которая, появившись как *Починок на Мун-озери Новинка* (во дворе Олексейко Яковлев) [ПКОП 1563: 119], затем в течении целого столетия именовалась деревней *На Мунозере Олексейка Яковлева*, пока в 1678 году писец не уточняет: *На Муно ж озере Алексеевская Яковлева, в волости зовут на Мунозере на ручью* [ПК 1678: 419-419 об.], что позволило идентифицировать ее с более поздней записью *Курой ручей* [ПК 1707: 31], совр. *Курий Ручей*. Ручей течет в крутых берегах, что

позволяет интерпретировать топоним из кар. *kuuru*, *kuuro* ‘борозда, колея, желоб’.

Последовательное привлечение материалов десяти ревизий довольно убедительно свидетельствует о том, что в середине XIX века, в 9-й ревизии 1850 года, происходит широкое внедрение и закрепление в официальной практике народных названий. Этот вывод актуален не только для людиковского Прионежья. Он сделан, к примеру, для Кижской волости, где в середине XIX века названия поселений, до этого совпадавшие с наименованиями их в писцовом делопроизводстве, вдруг меняются, неофициальные ойконимы получают официальный статус [Воробьева, 2014]. Такая же закономерность отмечается и на вепсской территории в юго-западном Обонежье [Муллонен, 2021]. Возможно, процесс носил общий характер и был санкционирован каким-то специальным документом. В данном контексте вполне логичны карельские отантропонимные названия целого ряда небольших поселений, не совпадающие с русскими, такие как *Vahromie* — офиц. *Готнаволок* или *Vošši* — офиц. *Новоселовская* в составе Погоста. Очевидно, они (т. е. названия) возникли уже после середины XIX века и не успели войти в процесс перехода в статус официальных. Собственно, об этом свидетельствует и их структура: ойконимы, идентичные по облику антропонимам, в массе своей возникали на рубеже XIX—XX веков.

Подведем итог. Современная система названий поселений сложилась на протяжении столетий и отражает, с одной стороны, динамику освоения побережий Мунозера, с другой — закономерности процесса именования, свойственные ойконимии. Основные места поселений на заливах и мысах были хорошо освоены задолго до XVI века, с которого начинается письменная история этих мест. Названия же поселений менялись от века к веку, поскольку народная среда стремилась закрепить в них актуальную для своего времени информацию о населявших ее крестьянах. Современные названия деревень, входивших в состав Мунозерской волости, сохраняют память о предках нынешних жителей округа разного времени и, таким образом, представляют одну из интересных и важных страниц местной истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. ПКОП 1563 — Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г. / Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / Материалы по истории народов СССР / Под общ. ред. М. Н. Покровского. Ленинград, 1930. Вып. 1. С. 57—254.
2. ПК 1582 — Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г.: Заонежские погосты // История Карелии XVI—XVII вв. в документах / Asikirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvulta. Петрозаводск; Йоэнсуу / Joensuu; Petroskoi, 1993. III. С. 34—341.
3. ПК 1617 — РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8554. «Книга Новгородцкого уезда Олонеским дворцовым погостом писма и меры Петра Ивановича Воейкова да диака Ивана Лговского 124-го и 125-го году [1615/16—1616/17 гг.], да туто же книга писма и меры одново диака Ивана Лговского заонежскому Андомскому погосту да Оштинскому стану дворцовым же погостом 127-го году» [1618/19 г.]. 939 л.
4. ПК 1646/47 — РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 980. 577 л. Подлинный список. «Книги переписные государевымъ царевымъ и великого князя Алексея Михайловича всея Руси Новгородского уезду Заонежским погостомъ чернымъ волостям деревнемъ и митрополичьим и монастырским вотчинам, и в них дворам и крестьянскимъ и бобыльским переписи Ивана Прохоровича Писемского да подьяего Якова Еуфимьева 156 и 155 году [1646/47—1647/48 гг.], а что в котором погосте сель государевных и починков и в них дворов крестьянских и бобыльских, и во дворах людей по имяномъ и з детми, и з братьею, и с племянники, и со внучатами, и с подсоседники, то писано в книге сей имянно».
5. ПК 1678 — РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1137. Ч. 2. 1678 г. Переписная книга Олонецкого уезда стольника писца князя Ивана Аничкова и подьячего Ивана Венюкова.
6. ПК 1707 — РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8579. «707-го году. Книга переписная Алексея Федоровича Головина да Андрона Васильева Апрелева за их руками. Всего 568 листов». 550 л.
7. ПК 1726 — РГАДА. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719—1763 гг. Сказки и переписные книги I—III ревизий. Д. 2371. 1726*г. «Книга имянная Олонецкого уезда о душах мужеска полу в Высший Сенат погостом, которые приписаны к Олонецким Петровским и ко всем заводам». 683 л.
8. РС 1749 — РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719—1763 гг. Сказки и переписные книги I—III ревизий. Д. 2378. Л. 1—903 об. 1749 г. «Книга переписная мужеска полу душ Новгородцкой

губернии Олонецкого уезду, приписанных к Петровским заводам государственным крестьяном, которые в прежнюю перепись писались государственными же крестьяны, учиненная в 749-м году»

9. РС 1782 — НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 4-й ревизии 1782 г. Д. 2/6. Ревизские сказки государственных крестьян Петрозаводского уезда Мунозерского конца. Д. 2/10. Ревизские сказки государственных крестьян Петрозаводского уезда Кижского погоста Корельской трети.
10. РС 1795 — НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Ф. 18. Ревизские сказки 5-й ревизии 1795 г. Д. 11/95. Ревизские сказки экономических крестьян Петрозаводского уезда Мунозерского конца.
11. Воробьева С. В. Деревни Кижской волости в XVI — начале XX в. (по архивным источникам) // Церковь Преображения Господня на острове Киж: 300 лет на заонежской земле: сборник статей. Петрозаводск: Издательский центр музея-заповедника «Киж», 2014. С. 229—256.
12. Жуков А. Ю. Традиционное природопользование в приграничной Карелии и государство (XIII—XVII вв.) // Труды Карельского научного центра Российской Академии наук. Петрозаводск, 2009. № 2. Зеленый пояс Фенноскандии. С. 103—114.
13. Кузьмин Д. В. Словарь карельской народной географической терминологии / Отв. ред. И. И. Муллонен. Петрозаводск: Периодика, 2020. 272 с.
14. Муллонен И. И. Топонимические маркеры эволюции поселенческой сети в вепском Прионежье // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 7. С. 8—18.
15. Спиридонов А. М. Западное Прионежье: из «саамского железного века» в Средневековье [Электронный ресурс]. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://carelica.petrSU.ru/Reading_hall/SPIRIDONOV/Spiridonov.pdf (дата обращения 15.11.2022).]
16. Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. М., Назрань: АСТ, 1998. 521 с.
17. СНМ 1926 — Список населенных мест Карельской АССР (по материалам переписи 1926 года. — Петрозаводск: Изд. Стат. Управ., 1928. XVI, 159 с.
18. SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. I—VII. Helsinki, 1955—1981 (LSFU XII).
19. Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu: Karjalaisen kulttuurin edistämissäätiö, 1975. 382 s.